

Современный российский либерализм

Происхождение, сущность
и историческое значение

*Совместное заседание Интеллектуального клуба
«Свободная Мысль» и Изборского клуба*

**Современный российский либерализм.
Происхождение, сущность и историческое значение**

**Modern Russian liberalism.
Origin, nature and historical significance**

Аннотация. Стремление к свободе и протест против угнетения переродились в попытку разрушить любую власть как таковую. Современные либералы сражаются против своих народов в интересах глобального бизнеса. Они являются примером сознательного и самого страшного предательства в истории человечества. Участники «круглого стола» обсуждают причины и перспективы этого перерождения.

Annotation. Aspiration to freedom and a protest against oppression regenerated in attempt to destroy any power as that. Modern liberals battle against the people in interests of global business. They are an example of conscious and most terrible treachery in the history of mankind. Participants of a round table discuss the reasons and prospects of this transformation.

Ключевые слова. Либерализм, интересы, предательство, глобальный бизнес, реформа, мораль, интеллигенция, Советский Союз, Россия, элита, государство, протест.

Key words. Liberalism, interests, treachery, global business, reform, morals, intellectuals, Soviet Union, Russia, elite, state, protest.

Участники

Агеев Александр Иванович — политолог;

Бубнов Василий Александрович — юрист;

Деягин Михаил Геннадьевич — экономист;

Карпенко Сергей Анатольевич — политолог;

Нагорный Александр Алексеевич — политолог, ответственный секретарь Изборского клуба, ведущий;

Фурсов Андрей Ильич — историк.

Михаил Деягин. Уважаемые коллеги, мы собрались, чтобы попытаться найти ответы на некоторые типические вопросы, которые возникают при изучении биографий наследивших в истории нашей страны российских либералов, особенно позднесоветских и российского разлива. Главный из этих вопросов прост: как, под влиянием чего, каким образом, под воздействием каких мотиваций нормальный человек становится либералом, искренне считающим, что государство должно служить не создавшему его народу, а глобальному бизнесу?

Ну вот, например: есть мальчик или девочка; они растут, развиваются, становятся юношей или девушкой; у них какие-то проблемы, какие-то достижения и в целом — все, как у всех. А потом вдруг что-то происходит, и тот же самый человек, во всем остальном, как правило, сохраняющий полную нормальность, становится настоящей чумой для всех остальных. Призывает, прямо или завуалированно, уничтожить его страну и раздавить породивший его народ, а главное — начинает энергично, всеми силами, всю душу в это занятие вкладывая, уничтожать саму возможность нормальной жизни своих собственных друзей детства, своих родных и близких, а в конечном счете и их самих.

Что с ним при этом происходит? Под влиянием чего из вроде бы внешне вполне нормальных детей вырастают носители современной реинкарнации фашизма, этой чумы, которые люто, всеми фибрами души ненавидят свою страну и свой народ?

К примеру, жил в Одессе мальчик. Летом 1941 года его чудом спасают: он стоит у окна вагона и видит, как «мессершмитты» на бреющем полете расстреливают поезд, в котором он едет; он выживает, спасается, мыкается с мамой по эвакуациям, голодает, болеет тифом, поступает в вуз, учится, работает... А потом становится либеральным гуру, на фоне которого пилоты тех «мессершмиттов», пытавшиеся его убить, выглядят едва ли не гуманистами.

Как это могло случиться?

Это ведь не болезнь, это не гормональное.

Что, у либералов дедушки были палачами? Или родители вынужденно служили агентами КГБ, что разрушило их психику? Да, действительно, имеют место такие конкретные случаи; но ведь не у всех же либералов. А с другой стороны, далеко не каждый человек, у кого дедушка был «красным» латышским или эстонским стрелком или, напротив, власовцем или бандеровцем, стал врагом своей страны.

Интерес к этому отнюдь не праздный. Понять, как и почему нормальные люди становятся либералами, лютыми и эффективными ненавистниками и палачами своей страны и своего народа, надо прежде всего для того, чтобы не допустить продолжения этих превращений, чтобы сломать чудовищный конвейер по перековке нормальных детей в конечных либералов, который работает полным ходом прямо сейчас, когда мы обсуждаем это.

Наша стратегическая задача — сделать так, чтобы люди оставались нормальными. А для этого надо понять, вскрыть хотя бы в наиболее значимых, ключевых элементах социально-психологический механизм, который их разрушает и перемалывает.

Мы уже видим активную деятельность третьего, а то и четвертого поколения либералов только в России, только уже после уничтожения Советского Союза: это политики, управленцы, бизнесмены, экономисты, журналисты, деятели искусства и многие другие. Давайте рассмотрим типические черты в биографиях российских либералов (поскольку мы почти всех их знаем достаточно хорошо на личном уровне) и выявим, что их объединяет. Давайте определим, какие основные пути ведут из

нормальной человеческой жизни в либеральную секту, каковы основные мотивы ее членов, каковы типичные способы достижения карьерного и делового успеха. Было бы здорово ответить и на вопрос: почему элиты все чаще предают свои народы и становятся либералами, служащими глобальным монополиям против своих стран и народов?

И главное — как сделать так, чтобы люди, подрастая, оставались нормальными, а не считали, что государство должно служить глобальному бизнесу, не считали, что, если в «этой стране» вымрет три четверти населения — ну и пес с ними, значит, они были быдлом, «они не вписались в рынок». Так ведь очень серьезно и искренне говорили в нашей стране совсем недавно, — а социально-экономическую политику и до сих пор, на мой взгляд, осуществляют по этому принципу. А не так давно, в начале 2014 года, — правда, пока еще не у нас, а в соседней стране, — либеральные нацисты искренне и публично говорили: мол, «ватники» такие убогие, что они не способны получать удовольствие от жизни и могут только мучиться. Поэтому, убивая их, мы совершаем акт гуманизма, освобождая их от бессмысленных мучений...

Эта угроза очень близка к нам не только территориально. Зоран Джинджич, ставший премьером Сербии и продавший Милошевича Западу (правда, вместо обещанных 300 миллионов долларов заплатили, помнится, лишь 30 миллионов, — вероятно, в память о «тридцати серебряниках»), во время учебы в Германии подрабатывал в стрип-клубе, причем в стрип-клубе не для женщин... И я вполне могу себе представить, как уже в близком будущем аналог Джинджича может стать премьером уже не Сербии, а России — и не только премьером.

Александр Нагорный. Хотел бы выделить несколько особенностей формирования современного либерального крыла. Оно возникло отнюдь не в момент перестройки и расчленения Советского Союза. Его глубокие корни уходят в середину XIX века, в тогдашний спор между славянофилами и западниками, и даже в более ранние времена — времена реформ Петра, масонов, «просветителей», декабристов и т. д.

С чем было связано появление западников в Российской империи и позже? Ведь западничество было чрезвычайно сильно не только среди социал-демократического движения в дореволюционные годы, но и впоследствии, когда формировалась и развивалась коммунистическая партийная номенклатура.

Я считаю, что объективным фактором, который формировал крыло западников, было историческое отставание России в научно-техническом прогрессе и социально-государственных начинаниях. Поэтому общественная мысль и общественное мнение нашей страны ориентировались в значительной степени на Запад — на Европу, на Французскую революцию. И, таким образом, возникало ядро западников, которые ненавидели самодержавный строй и желали ему поражения. Это революционное ядро притягивало огромные слои русского общества, которое, попадая в его орбиту, включалось тем самым в антигосударственную деятельность.

Именно усилия этого ядра, в котором главенствующую роль играла в конечном счете крупная буржуазия, жестко зависимая от иностранного капитала, привели к Февральской революции и распаду Российской империи. Однако в ходе этого распада революционная партия большевиков, вооруженная классовым подходом и принципиальным отрицанием частной собственности, овладела властью и тут же оказалась в тотально враждебном окружении.

Она была просто вынуждена вести борьбу со всем окружающим миром, и это привело к перерождению большевистской элиты, которой пришлось стать наиболее патриотичной силой общества просто ради собственного выживания.

Поскольку Советская Россия с момента своего возникновения была заключена в жесточайшую изоляцию, ее элита, постепенно оформившаяся в слой номенклатуры, вынуждена была думать о соревновании с западным миром как в идеологии, так и в военно-стратегических и геополитических сферах.

После смерти Сталина началось медленное, но неуклонное номенклатурное разложение, которое было вызвано нежеланием партийно-хозяйственной номенклатуры жить в постоянном стрессе «классовой борьбы». Такой стресс формировался благодаря как самой фигуре Сталина, так и жесточайшего соревнования двух противостоящих систем. И надо сказать, что Россия, которая по главным параметрам социально-экономического развития уступала западному миру, тем не менее по общей своей силе и влиянию находилась как минимум на одном уровне с ним и, по мнению целого ряда специалистов, в 1950–1970-е годы упустила реальную возможность перейти в наступление.

Когда же наступательная идеология была заменена такими идеологиями, как «борьба за мир как высшая форма идеологической борьбы» и «мирное соревнование двух систем во избежание мировой войны», то возникла ситуация фактической конвергенции двух систем. Мы эту ситуацию хорошо изучили: даже в высшей партийно-хозяйственной номенклатуре существовали люди, которые весьма активно продвигали идею всемирного разоружения и создания общего, единого политического пространства. Своего пика эти настроения достигли при Горбачеве, но и ранее они были довольно сильно представлены в советской элите. В качестве примера можно назвать зятя Косыгина, академика и директора Института системного анализа АН СССР Джермена Гвишиани, а также ряд людей, занимавших ответственные посты в окружении Брежнева и Андропова, прежде всего из Академии наук, включая академиков Арбатова, Примакова, Велихова, экономиста Шаталина.

Эти и многие другие высокопоставленные функционеры энергично продвигали идею конвергенции, создавая своего рода «зонтик», под которым бурно стали развиваться намного более радикальные тенденции по замене строя и «отчленению» ненужных «паразитических» кусков политического пространства — Средней Азии, Закавказья, Украины с Белоруссией. Подобные настроения стали проявляться прежде всего в театре, кино и других сферах культуры. De facto эта идеологическая платформа

объединила значительную часть творческой интеллигенции, в киноиндустрии и театре она вообще разделялась 80—90 процентами деятелей.

Казалось бы, что такое театральный режиссер? Но именно театральные режиссеры непосредственно «ковали кадры» актеров, звезд, которых потом приглашали в кино, на телевидение, на которых начинала ориентироваться молодежная среда и в целом образованная часть советского общества.

Скажем, во время перелома, который был организован в 1990—1991 годах, возникло совершенно парадоксальное явление, когда работники военно-промышленного комплекса, которые в силу своей деятельности вроде бы должны были защищать централизованное государство, дружными рядами бросились поддерживать сначала Горбачева, потом Ельцина.

В результате мы столкнулись с современными либералами как с людьми, которые с 1991 года практически полностью определяют основные идеологические направления деятельности государства. И если пытаться их охарактеризовать, я бы сказал, что это чрезвычайно важная финансово-экономическая группа, которая ни на йоту не сдвинулась за эти годы со своей исходной позиции.

Важное место в этой группе занимают журналисты и писатели, которые обеспечивают общество различными идеологемами; сейчас, например, этой группой ведется интенсивная и весьма разнообразная борьба против российско-китайского сближения. Очень важную роль в этой сфере играют звезды эстрады и театра; значительная их часть активно, буквально всеми силами поддерживает фашизацию Украины, поскольку считает, что за счет этого происходит продвижение западного влияния и западных интересов на постсоветском пространстве. А это, в свою очередь, создает условия для окончательного очищения российского культурного пространства от всякого стремления к самостоятельности, к самобытному пути развития.

Сюда же надо добавить слой крупных предпринимателей. Скажем, в РСРП знаковой представляется фигура Шохина, который родился в рабочей семье, но, поскольку был способным мальчиком, проделал путь от едва заметного и ничем не примечательного научного сотрудника до лидера крупного бизнеса и теоретика реформирования государственной структуры в принципиально иную систему рыночного полукOLONIALного субъекта.

В среде революционеров-западников в начале 1990-х появились такие лидеры, как Гайдар и Чубайс, которые стали подлинными законодателями политической, экономической и финансовой систем.

Возьмем того же Чубайса, у которого папа был подполковником погранвойск, а мама — по-моему, учительницей со всей свойственной этой профессии советской идеологией. И тем не менее этот мальчик, росший во вполне патриотической среде, в 1970—1980-х годах под напором идей конвергенции превратился в главного толкача наиболее радикальных программ вестернизации — политической, экономической, финансовой, имущественной.

И сейчас, в условиях резкого обострения отношений России и Запада, эта вестернизированная среда по-прежнему в значительной степени определяет текущую политику. Боюсь, эта мощная группа в течение ближайших года-полутора добьется своего, и режим Путина будет сломлен.

Либо он сам сломается как личность, либо его удалит все тот же огромный конгломерат действующего истеблишмента, который остается на своих прозападных политических позициях. Другими словами, «подпольный райком продолжает действовать по указаниям “вашингтонского обкома”», а отсюда велика опасность очередного расчленения страны силами нынешнего либерального истеблишмента.

Василий Бубнов. Прежде всего, надо определиться, что мы обсуждаем: либерализм как таковой или предательство? Вопрос предательства, который Михаил Делягин ставит в своей замечательной книге «Конец эпохи национального предательства?», я обсуждать согласен. А вот либерализм — настолько многослойное понятие, что к нему надо подходить с аккуратностью.

Я, например, знаю многих либералов, которые являются большими патриотами и вместе с нами готовы взять автомат и пойти защищать Родину. Я знаю профессиональных экономистов, которые являются либералами в силу своих убеждений, но отнюдь не являются предателями. И в то же время я знаю большое число предателей, которые ни в малейшей степени не являются либералами и наносят стране значительно больший вред, чем либералы.

Главное предательство XX века, причем такое, что его последствия будут ощущаться на протяжении всего столетия, — совершено в Беловежской Пуще. И все виновники этого предательства, предательства Ялты, предательства Потсдама, предательства Нюрнберга, — все виновники этого международного преступления остаются безнаказанными. Наше уголовное законодательство в том виде, в котором оно сконструировано, не позволяет привлечь их к ответу.

Мы знаем конкретных исполнителей этого предательства. Это Ельцин, Бурбулис, Шахрай.

Мы знаем тех, кто не выполнил своего государственного долга. Это Михаил Сергеевич Горбачев, это люди, которые находились в то время у руля в военных структурах и в структурах государственной безопасности Советского Союза и всех республик в составе СССР.

Именно это предательство привело к тому, что мы сейчас называем Третьей мировой войной. Это предательство привело к арабской революции, к братоубийственным войнам на всей территории бывшего СССР. Это предательство привело к 11 сентября 2001 года, к обострению ситуации на Ближнем Востоке. К срыву всех мирных переговоров между арабами и евреями. К кровавому геноциду в Африке, где были убиты миллионы людей.

Все это — последствия того предательства, которому так и не дано ни международной, ни российской оценки.

Как юрист, я предлагаю изменить модель Уголовного кодекса РФ по статьям об измене Родине и международных преступлениях, которые повлекли катастрофы для человечества, чтобы, помимо уголовной ответственности (иногда это люди уже старые, и мы все придерживаемся моратория на смертную казнь, хотя на самом деле эти люди должны быть, как в Нюрнберге, повешены, потому что количество убитых в результате их предательства не меньше, чем в результате того, что называется «Холокост»), в их отношении применялись лишение гражданства и высылка из нашей великой страны.

Это вполне посильно, и это должно быть сделано.

Более того: истоки того, что произошло в Беловежской Пуще, надо досконально изучать и подробно обсуждать. Изучать по документам, по каждой строчке, по каждой минуте. Необходимо четко определить, кто и за что ответственен, — и для этого все, кто остался в живых, должны быть допрошены. Все — от секретарей до сотрудников КГБ, которые с автоматами наизготовку ждали команды о задержании и расстреле участников этого чудовищного сговора, но так и не получили этой команды, а сами на это не пошли.

Да, эти показания составят тома, а их изучение и сопоставление станет длинным процессом. Однако этот процесс категорически необходим хотя бы в отношении тех участников Беловежского сговора, кто живет сейчас на территории России. Они живы, как Шахрай, возглавляют институты, самодовольно раздают интервью, ходят без охраны.

Проблема предательства восходит к серьезной ошибке Сталина, последствия которой мы продолжаем переживать и которая заключается в том, что он не провел до конца денацификацию страны, слишком либерально подошел к предателям, которые воевали в рядах власовской армии, были бандеровцами, полициями, носили форму карателей, совершали массовые преступления. Многие из них не были расстреляны, получили минимальные сроки, достаточно быстро вышли на свободу. Так как в Советском Союзе не было люстрации, семьи этих людей имели право работать в партийных органах, учить детей, — и мы пожинаем сегодня плоды этой глубочайшей политической ошибки.

Считаю, она была совершена под воздействием мирового фактора. Советские руководители, в первую очередь Сталин и Берия, решили, что есть Нюрнберг и хватит. Между тем был необходим свой, советский Нюрнберг, который разобрался бы не с отдельными, наиболее известными предателями, а со всеми с ними и запретил бы их детям и внукам занимать государственные должности, особенно в политических, военных и связанных с обеспечением государственной безопасности структурах.

Украинская катастрофа представляется в первую очередь следствием отсутствия денацификации советского общества.

Но предательство отнюдь не сводится к последствиям отказа от денацификации и Беловежской Пуще. Есть, например, Гавриил Харитонович Попов. На мой взгляд, он хуже всех, кто был в Беловежской Пуще (которая произошла во многом из-за политических фак-

торов), потому что его преступление носит совершенно осознанный характер.

Он написал книгу «Я вызываю дух Власова», где назвал того национальным героем России. Эта книга выпущена стотысячным тиражом, она не изъята, в отношении Попова не возбуждено уголовное дело по экстремизму. А между тем известный демократ и бывший мэр Москвы Попов пишет в ней, что памятник Власову нужно поставить на месте памятника Дзержинскому, и мы все должны стоять на коленях перед Власовым. Пишет, что этот человек мог бы стать настоящим правителем России и вместе с Гитлером привел бы весь мир к полному порядку.

Разве это написал либерал? Такое мог написать только фашист.

Поэтому, когда мы говорим о либералах, надо учитывать, что они бывают очень разными. Есть либералы, а есть либерал-фашисты. Гаврила Харитонович Попов, например, является как раз либерал-фашистом. Я уже не говорю о тех преступлениях, которые он совершил, будучи мэром Москвы, — это уже вторично. Речь идет о том, что политического процесса над ним за его деяния не было.

А безнаказанность — это главный фактор, породивший переживаемые нами сейчас бедствия.

Безнаказанность бандеровцев и власовцев после Второй мировой войны и безнаказанность белоленточников сейчас — явления одного порядка, одинаково опасные для нормальной жизни.

В самом деле: кто лишен свободы по итогам белоленточного движения? Одураченные мальчишки, которых кинули на ОМОН с камнями. А негодяи, спровоцировавшие их, организовавшие массовые шествия, антигосударственные призывы и призывы к взятию Кремля, остались абсолютно безнаказанными. Правоохранительные органы предотвратили попытку штурма Кремля, но она была подготовлена по сценарию, схожему с «Норд-Остом», и участвовавшие в этом представители нынешнего либерального истеблишмента известны. Эти люди готовили государственный переворот, напоминающий Майдан, — кровавый переворот с физическим устранением законно избранной власти, и они остались безнаказанными.

Поэтому я отвергаю либерализм не как таковой, а лишь либерализм нынешней власти, и призываю судить предателей Родины.

Сергей Карпенко. Некоторые мои друзья — записные либералы, и представлять их предателями Родины я бы не хотел. Я хотел бы обратить внимание на людей, которые борются против любой упорядоченной власти: либералов, но не только либералов. Как правило, ими становились люди, которым давали образование, но не прочное имущественное положение.

Потом они записались кто в большевики, кто в либералы, и все время боролись с властью. В Советской стране это были не только бухаринцы, которые вполне откровенно боролись за обогащение и позволяли почти любые преступления ради этого, и троцкисты, готовые поджечь страну и получать удовольствие от того, как она горит в огне Мировой революции. Нельзя забывать и о практически второй Гражданской вой-

не — коллективизации, выкорчевывании кулаков, породившем огромный пласт репрессированных, недовольных, которые опять же боролись против власти как таковой. Те же Ельцин и Горбачев не случайно являются их потомками.

Я согласен с предыдущим оратором, что надо было делать люстрацию. Или, наоборот, поступить, как это делал Николай I в отношении декабристов и их семей: он брал всех детей декабристов на государственное обеспечение, чтобы они считали преступниками своих отцов, выступивших против власти. В Советском же Союзе получился паллиатив: с одной стороны, потомкам врагов власти давали образование, давали возможность расти и двигаться по карьерной лестнице, а с другой — в силу недостатка внимания к их воспитанию они все равно чувствовали себя пострадавшими, как потомки репрессированных.

Считаю очень важным остановиться на Куусинене и его ученике Андропове. Куусинен играл в Коминтерне значимую роль, был явным масоном, и в коммунистическом движении был проводником масонской линии. Его ученики Андропов и Яковлев потом практически развенчали и развалили социализм. Создание и работа «группы интеллектуалов» при Андропове, которая занималась «социализмом с человеческим лицом», прекрасно описаны в мемуарах Арбатова-старшего и Бовина.

Отсюда пошла идея конвергенции, пропагандирование «сталинщины» как исчадия ада и принципиальное, последовательное отрицание системы сталинизма. Отсюда пошли разговоры не о традиционных, нормальных и естественных, а об искусственно конструируемых «общечеловеческих» ценностях и то продолжение троцкистско-бухаринских настроений, про которые еще Иосиф Виссарионович говорил: «пойдешь налево — придешь направо, пойдешь направо — придешь налево». Они сомкнулись в данном случае — масоны, Коминтерн, троцкисты, бухаринцы и те, кто выступил вместе с Власовым за национальную русскую идею. Все они объединились против системы упорядоченной власти, которую представляла собой сталинская государственность. Это были принципиальные и последовательные враги государственности как таковой.

Очень похожее, кстати, происходило в Латинской Америке. Получавшие образование в Советском Союзе возвращались на родину, не имея имущественных возможностей, — и, желая реализовать высокое представление о самих себе, порожденное полученным образованием, боролись с властью, причем самыми кровавыми методами.

В нашей стране этот класс потомственных недовольных борцов с упорядоченной властью проявился в мощном идеологическом течении абсолютно обиженных людей, сделавших свою обиду смыслом своего существования. Они все время кивали на то, что и страна не та, и народ не тот, а вот они могли бы жить совсем как на Западе, и даже лучше, если бы не помешал им Иосиф Виссарионович и вся эта его борьба с левым и правым уклоном.

Сегодняшние олигархи и либералы, образующие финансово-олигархическую группировку, как правило, являются выходцами из семей

именно этой части интеллигенции. Они были оторваны от традиции и никогда не имели веры, — а когда нет веры, нет бога, то все позволено.

Принципиально важно, что все эти прожившие жизнь с фигой в кармане принадлежали к привилегированным семьям. Отсутствие люстрации и целенаправленного воспитания детей врагов или жертв внутренней борьбы в советском обществе дало вольницу людям, которые крайне нигилистически относились к стране, ее традициям, вере и народу. И это высвобождение нигилизма породило такое массовое явление, как агенты Пятого Управления КГБ, в просторечии — «агенты Бобкова». И Гусинский, и Березовский, и многие другие были такими агентами.

Они были, с одной стороны, диссидентами и примыкали к тем, кто критиковал власть, а с другой стороны — ели с руки этой власти. Этой нетрудовой образованщине были свойственны разбойность, паразитизм и ощущение своей полной безнаказанности, вседозволенности. Оттого, что они были агентами, им многое прощалось, они могли провоцировать, проводить спецоперации, видеть устройство государственной власти и изнутри, и снаружи — и они еще тогда, когда Советская власть казалась незыблемой, начали системно коррумтировать чиновников. Вся нынешняя российская финансовая олигархия порождена коррупцией, подкупом чиновников и массовым предательством как, фактически, нормой жизни.

Александр Нагорный. Общие соображения и исторические экскурсы не должны уводить нас от конкретных вещей. В первую очередь нужно выяснить истоки появления «предательского класса», его идеологическую и политическую суть и, соответственно, технологии и инструментарий, которые используют данные группы либерал-предателей для захвата и удержания власти.

И конечно, не стоит ограничиваться только чистыми либералами по их идеологической ориентации. Ведь политический спектр предательства гораздо сложнее и многограннее; в него входят и бюрократическая номенклатура, и творческая интеллигенция, и основная часть предпринимательских слоев и группировок.

Однако нельзя игнорировать того, что именно либералы определяют стратегические цели, определяют геополитические задачи и идеологические установки. Правда, надо отметить, что они у либералов очень простые. Это, во-первых, создание мировой централизованной идеологии, которая определила бы формирование будущего унифицированного общества. Во-вторых, образование полностью космополитичной политической среды в самых различных странах с разными цивилизационными кодами. В-третьих, внедрение на все значимые бюрократические позиции своих людей и установление с их помощью полного контроля над национальными правительствами, которые и введут свои народы под «зонтик» будущего мирового правительства.

В обслуживающую этот глобальный проект коалицию входят самые разные социальные и политические элементы, вплоть до групп извращенцев и педофилов, которые также исповедуют максимальное рас-

крепощение и «обретение свободы духа». Выковывание единой мировой культурной парадигмы является предпосылкой для формирования мирового политического и экономического центра с тотальным контролем за всей жизнью обычных людей.

Мотивировки членов этой достаточно разношерстной группы, представители которой занимают важные позиции в структуре российского общества, и в особенности российского государства, весьма разнообразны. Конечно, есть люди, которые встраиваются в эту среду по сугубо карьерным соображениям. Они понимают, что, если государство войдет в реальный конфликт с Западом, то они потеряют свои позиции в нем, и потому должны продвигать всеми возможными средствами либеральную идеологию, чтобы не допустить слома своих карьер.

Коммерческая заинтересованность крупных групп, сформировавшихся в России и связанных своей пуповиной с мировым рынком, мировыми финансовыми центрами, представляется все же важнейшей мотивацией, важнейшим приводным ремнем либерального клана.

Однако коммерческая заинтересованность крупных групп, сформировавшихся в России и связанных своей пуповиной с мировым рынком, мировыми финансовыми центрами, представляется все же важнейшей мотивацией, важнейшим приводным ремнем либерального клана. Уважаемые коллеги могут меня поправить и дополнить, но ведь почти все российские олигархи прошли своего рода «школу молодого бойца» в Лондоне. Абрамович при помощи Мамута, Мамут и Березовский — при помощи Лебедева. Последний, женившись на девушке из уважаемой академической семьи, по окончании МГИМО попал в особо привилегированную часть КГБ на курсы, которые быстро закончил и сразу же был направлен в Лондон. Для обычных офицеров такие карьерные перемещения практически невозможны. Он прибыл в Лондон в чине, насколько я помню, старшего лейтенанта, потом капитана. Насколько можно судить, в посольстве ему поручили работать с английским парламентом, он расширял и устанавливал связи с ним, вышел на окружение Ротшильдов, хорошо зарекомендовал себя, и после этого именно он вывозил всех тех людей, которых я назвал, и знакомил их с системой и представителями Ротшильдов.

Сергей Карпенко. В мемуарах Арбатова-старшего в очерке «Умные евреи при губернаторе» он описывает, как еще в 1977 году Андропов сказал ему: «Ориентируйтесь на Горбачева. Я его обязательно при-

везу в Москву, хотя сейчас мне старики не дают это сделать». В том же 1977 году, как вы знаете, совершенно неожиданно по непонятным причинам умер Кулаков, и на его место был приведен Горбачев. И куда его отправили — вероятно, «на смотрины»? Сначала в Лондон, потом в Канаду. В то время в Канаде послом был Яковлев. Яковлев был с Калугиным в Колумбийском университете на стажировке. Калугин всю свою карьеру до генерала делал при Андропове и был в тесных отношениях с Яковлевым. А среди загадочных смертей, объективно расчищавших дорогу Горбачеву, можно назвать Машерова, потом Соколова...

Александр Нагорный. У нас в Институте США и Канады жена Калугина, очень симпатичная женщина, работала в библиотеке спецхрана. Так вот, она была ближайшей родственницей Устинова, — и Арбатов-старший, директор института, уделял ей огромное внимание. Эта связка в значительной степени помогала Калугину в его карьерном росте, и благодаря ей его выводили из всех сомнительных ситуаций.

Сергей Карпенко. Я продолжу: Канада, куда вывозили Горбачева, — это интереснейшее в политическом отношении место, потому что там франкмасоны практически определяют выборы франкоязычного населения. А руководители Канады до недавнего времени были выходцами из французской общины, хотя ее численность составляет 11–12 процентов населения. Премьером Канады тогда был Трюдо, известный масон, который вошел в очень тесные отношения с Яковлевым. По воспоминаниям наших офицеров, Яковлев по три дня пропадал неизвестно где вместе с Трюдо.

Но в свете последних событий становится интересным и то, что Канада — еще и центр бандеровщины.

При изучении феномена предательства в нашей истории и политике следует сосредоточить внимание на технологии, инструментарии изменения национального характера и манипулирования общественным мнением, а также на тех идеологических, политических и экономических мотивировках, которыми руководствуются представители коалиции сил, преследующих либерально-монетаристские и глобалистские цели. В конечном итоге это даст возможность охарактеризовать властные верхушки соответствующих течений и позволит лучше понять, каким образом формируются эти олигархические, культурно-идеологические, политические и иные группы.

Василий Бубнов. Чезаре Ломброзо в своей известной книге «Анархисты» дал очень четкую типологию принципиальных врагов власти как таковой. Там даны рисованные, психологические и социальные портреты всех известных в то время анархистов и проведены необходимые обобщения. Реализацию выявленных Ломброзо закономерностей мы наблюдали и в Февральскую революцию, и в «оттепель», и при попытке белоленточной революции.

Новым в нынешних социал-предателях по сравнению с типами, описанными Ломброзо, действительно является очень сильная обиженность. Мне прислали запись известной певицы, очень популярной среди эмиграции в Нью-Йорке, собирающей там тысячные залы, — Вероники Долиной. Смысл одной из песен буквально таков: «Моя мама всю жизнь мечтала побывать в Амстердаме, папа был глупее моей мамы, и ему достаточно было Парижа. Но ни мама, ни папа не побывали ни в Амстердаме, ни в Париже, а умерли в сраной (извините за выражение) Москве. А мне удалось уехать из этой сраной Москвы в Нью-Йорк, и я ненавижу свою бывшую Родину, потому что там умерли мои папа и мама, которые не доехали до Амстердама и Парижа». Вот в концентрированном виде вся идеология нынешних либерал-предателей.

Кроме того, мы имеем сейчас не просто беспрецедентный уровень накала предательства, доходящего, по сути, до прямой измены Родине, но и предательства нескрываемого, любящегося самим собой, красующегося, осуществляющегося напоказ. Это результат того, что это предательство не только не наказывается, но и прямо поощряется нашей либеральной властью...

Вот, например, бывший премьер-министр Касьянов, который передает в США списки журналистов и политиков с прямым требованием, чтобы против них ввели санкции, — это, на мой взгляд, прямая измена Родине. Почему этот человек чувствует себя спокойно и уверен в своей безнаказанности?

Война имеет разные формы; но сейчас против России ведется война, на которой гибнут наши ребята, — а покойный Немцов вместе с подонком, на мой взгляд, Яшиным готовил доклад для наших врагов, для бандеровцев, и это деяние было полностью безнаказанным.

А потом представители либеральной власти наперебой выступают, чтобы заявить, как они скорбят об убиенном Немцове. А что там скорбеть? При этом убиенные дети, женщины и старики Донбасса никакой скорби у этих либералов не вызывают.

И еще очень важный вопрос здесь затронули, когда стали говорить про бобковщину. Так получилось, что мы в русской истории имеем уже три глубочайших провала агентурной работы.

Первый — зубатовский социализм. Сергей Васильевич нашел мужество застрелиться, когда понял: то, что он пестовал, вышло из-под контроля. Выдающийся человек, сильной воли.

Второй провал — это бобковский либерализм. Про который мы уже даже не знаем: это сознательное предательство или провал агентурного метода? Потому что основная масса отечественных либералов — бывшие агенты Пятого Главного управления. Когда они пришли к власти, они сожгли свои агентурные дела, это известно, в том числе и от тех, кто лично их жег.

И третий провал — это попытка белоленточной революции, которую легендировали как некое обновление лица власти и которая чуть не закончилась Майданом. И непосредственно организовывала это опять же агентура, но уже не Пятого Управления — это уже новая волна.

Все эти три явления объединяет то, что это серьезнейшие провалы людей, непосредственно ответственных за обеспечение государственной безопасности.

Александр Нагорный. Нам надо смотреть на перспективу, предвидеть, как эти группы будут работать в ближайшее время. Для этого надо дать стратификацию этих либеральных групп.

Я бы выделил среди них пять основных направлений.

Прежде всего — бюрократическое: его представители наполняют министерства и ведомства.

Второе — военно-силовая группа, которая объединена либеральными идеями и ориентирована на «конструктивное взаимодействие с западными партнерами».

Третье направление — практически все олигархи, которые вывели огромные средства в зарубежные банки и приобрели огромную собственность в разных местах, прежде всего в США и Европе, и оказались надежно привязаны к ним.

Четвертое направление — культурно-идеологическая группа. В первую очередь это наши театры, которые работают над трансформацией сознания и воспитанием новых культурных идолов, «звезд».

Наконец, последнее — это информационная группа, которая контролирует практически все телевизионные каналы. Ее представители, в принципе, контролируются Кремлем, но в любой момент могут переориентироваться и сыграть мобилизационную роль для следующей, уже более успешной белоленточной революции.

Александр Агеев. Есть ситуации, когда предательство и измену можно квалифицировать абсолютно ясно: это нарушение присяги, переход на сторону противника в ходе войны или оказание ему услуг во вневоенное время. Такие поступки караются законом и моралью.

Есть также очевидная ситуация предательства, связанная со сменой веры. Отречение от веры, принципов сильных слов, сильных клятв и обещаний — это все ситуации ясного предательства.

В связи с этим важно иметь в виду, что именно наша великая страна пережила совершенно уникальный опыт массового предательства. Ведь даже Германия после 1945 года не переживала такого фундаментального сдвига, как наш: все-таки она оставалась членом западного сообщества, и процесс денацификации протекал в рамках одного и того же цивилизационного пространства.

Это нельзя сравнить ни с 1917 годом, когда с отречением царя произошла повальная смена веры, ни с 1991-м. До того в нашей культуре были раскол, принятие православия, разного рода другие эпизоды.

Однако у нас есть один святой год — 1945-й, год Победы, который был и остается чем-то, что выше любых мерил.

Говоря о предательстве, важно понимать: предательство для нашей среды может для самого предателя выступать подвигом, если он связан с совершенно другим, враждебным нам миром, где он, например, не шпион, а разведчик.

В любом случае, говоря о технологиях предательства, мы можем иметь в виду мотивы мести или мотивы полного эгоизма. А весь набор причин этого прост: ложь, лицемерие, зависть, убийство, блуд в тех или иных вариантах. То есть в любом случае феномен предательства — это измена заповеди, присяге, клятве ради корысти, сохранения жизни, страха, умственной прелести, жадности или даже игры. Подчинение себя чужому, в том числе и чужому архетипическому началу, или просто некоему чужому игроку.

Поэтому переход на службу к посторонней силе, подобный демонстрируемому Касьяновым, — это безусловное предательство. Потому что для него эта страна — уже не объект служения, а объект эксплуатации.

Красную черту, за которой появляется предательство, определяет либо строгая идеология, соединенная с моралью, либо мораль, существующая в народе. Полная аморальность, в том числе при которой за мораль выдается полная относительность, толерантность, требует уничтожить, дискредитировать, предать осмеянию само понятие предательства, чтобы оно как моральное явление исчезло вообще. С обществом, утратившим представление о предательстве, и, соответственно, о морали, — можно творить все, что угодно.

Соответственно, если некая цивилизационная общность хочет себя сохранить, она должна опираться на собственную мораль, рассматривая измену ей как предательство.

Иначе она неминуемо превратится в цивилизацию предательства — то, что мы видим в современной политической культуре Украины, которая вся замешена на предательстве.

Сергей Карпенко. Вы вплотную подошли к схеме новой, вестернизирующейся идеологии, куда входят и сексуальные отклонения, и отказ от национальных корней и традиций. То, что мы видим и в США, и в России, в которую эта либерально-культурологическая группа несет разрешение на убийство, разрешение на насилие, разрешение на смерть.

Сила этой либеральной идеологии и ее носителей в том, что они говорят о будущем: «Вы повернулись и смотрите назад, в ретроспективу, а мы смотрим на новую цивилизацию, где сам человек как биологическое существо исчезнет, освободившись от всех ограничений, как биологических, физиологических, так и моральных — и станет неким симбиозом...»

Василий Бубнов. Фактически все эти технологии антропологической идентификации сводятся к прямому и грубому нарушению 50-й статьи Всеобщей декларации о правах человека 1947 года, которая обычно забывается в дискуссиях о правах человека. Эта статья прямо запрещает какой-либо группе лиц или государств навязывать свои ценности другим.

Таким образом, сегодня мы сталкиваемся с тем, что человек последовательно и целенаправленно доводится до полностью атомизированного состояния — до Робинзона, потому что в таком состоянии он теряет человеческое как некое социальное отношение, некое общение, некую

причастность. В идеале причастность к божественному началу, а в минимуме — это причастность к своей среде, которая все равно неминуемо становится средой сакрализованной.

Человек вырывается из общества и атомизируется не для его блага или самореализации, а ради манипулирования им и контроля над ним. И поэтому поощряется все, что способствует деградации человека до уровня его минимальных потребностей: похоти, жадности, развлечений.

В связи с этим вопрос о предательстве выходит на определение антропологического начала, делающего человека человеком. Расширение этого начала до общностей — товарищеских, родовых, семейных, патриотических — и дальше, минуя глобализм, что важно, до неких космических — это и есть путь восстановления изначальной человечности. Все остальное — дегуманизация.

Сергей Карпенко. Все последние четверть века нам усиленно навязывали взгляд на самих себя как на народ-предатель: мол, мы предали свою страну, мы предали 1945 год, Победу. Но в этом году случилось то, что назвали «Бессмертный полк», когда не 500, а миллион человек вышли на улицу, и не по разнарядке, а по собственному порыву... А если на будущий год выйдет несколько миллионов, выйдет вся страна, — по сути, это будет патриотический крестный ход народа с портретами своих отцов, отдавших жизнь за то, чтобы мы вообще жили.

«Бессмертный полк» раз и навсегда доказал, что народ — не предатель, и перечеркнул все разговоры об этом.

Точно так же, как все разговоры о том, что народ у нас не православный, не верующий, перечеркнул пояс Богородицы. Наша власть испугалась страшно, когда миллионы людей пошли к нему потоками... Если бы они официально не свернули сроки паломничества к поясу Богородицы, то прошло бы 30—40 миллионов человек, а так успело пройти только 3 миллиона.

Либералы во власти испугались этого человеческого потока и стали готовить белоленточную революцию. Ведь именно после пояса Богородицы появились Pussy Riot, «Левиафан» Звягинцева, Невзоров с его бесовщиной, а шутиха Собчак-младшая надела бороду батюшки и сказала: «Ну, чем я не поп?»

И основной удар либералы во власти сейчас будут наносить по РПЦ, хотя и там тоже не простая ситуация. В РПЦ очень сильно ядро, которое занимает предательскую позицию по отношению к нашей истории, оправдывает служивших у Власова попов. Они даже выпустили фильм о них «Поп», и все говорят, что это великий фильм, и патриарх тоже это сказал.

И это создает необходимость нормальной дискуссии между патриотами и коллегами из РПЦ. С кем вы, отцы православной церкви? С ними должны говорить именно глубоко верующие люди. Общие усилия должны быть направлены на то, чтобы все, кто поднимает руку на православие и РПЦ, считались предателями нашей Родины, — но для этого сами представители РПЦ не должны быть таковыми предателями.

Михаил Деягин. Знаете, уважаемые коллеги, чем принципиально отличается почти любая патриотическая аудитория от большинства аудиторий либеральных? Либеральная аудитория почти всегда ищет союзников.

Может, либералы как-то проще устроены, может, им истина и историческая справедливость, в отличие от нас, не то что не важны, но даже и не интересны, — но вот у них есть четкая задача, «защитая» буквально в подсознании. Они ее не высвечивают, не пропагандируют, они могут обсуждать никак не связанные с ней проблемы, вплоть до кактусоводства, — но они всегда и везде стараются привлечь к себе максимальное количество союзников.

Собственно, когда я вылечился от этой постыдной болезни либерастии, данный факт они заметили далеко не сразу, — именно потому, что их позиция, их принцип, их образ действия заключаются в том, чтобы привлечь к себе, на свою платформу, вовлечь в свою орбиту максимум людей. И если эти люди совпадают с ними хоть по одному значимому для них вопросу, — они будут тащить их к себе всеми силами. Да, они могут каждого конкретного человека не любить, но они очень четко понимают, что по каким-то конкретным вопросам этих людей, даже в целом враждебных либерализму, можно в силу их убеждений или привычек использовать.

Это одна из причин их эффективности, их побед.

А вот позиция патриотов — качественно, принципиально иная. Патриоты, в отличие от либералов, как правило, не фокусируются на главном, а живут в огромном круге самых разнообразных вопросов; и всякий, кто хотя бы по одному из этих вопросов думает не так, как я, является врагом, подлежащим уничтожению.

И смею вас заверить, для того чтобы быть союзником либералов, быть привлеченным ими к достаточно большому количеству проектов, прекрасно себя в этих проектах чувствовать и многое для этих либералов в этих проектах в итоге сделать, — достаточно просто признать, что воровать плохо. Вот, в принципе, если вы не будете посягать на «священных коров» либерализма в агрессивной форме, — этого достаточно, а часто можно и «коров» этих ругать.

А вот когда собираются патриоты, неожиданно выясняется, что союзников-то у них нет, — одни враги и предатели кругом.

Как, коллеги, понятно, почему либерализм побеждает?

Потому что Ротшильды кругом с Рокфеллерами и их агентура. Правильно?

Но, конечно, дело не только в этой причине, не только в особенностях российских патриотов. Например, важно, что либерализм крайне глубоко исторически укоренен в России.

Кстати, уникальность нашей интеллигенции заключается прежде всего в органической враждебности к государству и полной, возведенной в принцип безответственности.

Но безответственность является лишь следствием враждебности к власти как таковой, а враждебность эта коренится в истории возник-

новения интеллигенции как слоя. При Александре II крестьянские дети в массе пришли в города, укрепив и сложив мощный слой разночинцев — людей профессиональных, качественных, грамотных, сознающих свою ценность и эффективность, неплохо зарабатывающих. Этот слой был сформирован еще в конце царствования Николая I, который из страха повторения декабризма принципиально не давал офицерам учиться (что и обернулось катастрофой Крымской войны), выталкивая желающих этим заниматься в гражданскую жизнь. Но крестьянские дети и разночинцы при Александре II этот слой качественно усилили, сделали его действительно мощным и социально-политически значимым.

Однако возможности повышения своего социального уровня, своего влияния и общественного признания для этого нового слоя оставались крайне ограниченными, так как государство по старинке оставалось в основе своей военным. Оно штатских внутрь себя не принимало или принимало, но крайне неохотно; а от бизнеса и вовсе категорически отстранялось. И складывающаяся интеллигенция в ходе своего становления, формирования как слоя, в ходе своего самоосознания отторгалась военной в основе своей системой государственного управления.

Легко было Пушкину: он был «единственный штатский», допущенный в свет, и то не так уж и долго, и то не вполне штатский — не зря же он две присяги при формальном поступлении на госслужбу принимал. Но быть исключением, «белой вороной» относительно легко: вы так и воспринимаетесь, и вас просто терпят — как что-то экзотическое. А вот когда вас таких много — вы уже отторгаетесь, причем не как отдельные индивиды, а именно по главному, образующему для вас признаку — отторгаетесь как социальный слой. Еще не было закона о «кухаркиных детях», еще Чехов не придумал само слово «интеллигент», но будущие интеллигенты уже были чужими в элите, потому что они были штатскими, и их социальный рост был ограничен. И, не имея возможности интегрироваться во власть, они, естественно, стали всеми силами доказывать ей, что они тоже люди. На это наложилось происхождение из «низов» общества: униженных, оскорбленных, не понимаемых, постоянно голодающих.

Вот эта историческая, родовая психотравма интеллигенции до сих пор лежит в основе ее ненависти к государству, до сих пор лежит в основе всего российского либерализма. И ключ к решению проблемы систематического предательства заключается в разрушении, снятии этого противостояния, в интеграции интеллигенции во власть — не в качестве ее уничтожителя, киллера, разрушителя, как это было сделано во вторую половину Советской власти, а как ее органической части, как пытались сделать в ее первую половину.

И еще, не менее важное: мы слишком часто идиотов считаем сознательными врагами. А делать этого не надо, этим мы увеличиваем силу врага.

Александр Агеев. Вчера на защите диплома в одном из вузов девушка из компании со 130 миллиардами рублей оборота говорит, что, по

расчетам аналитиков этой компании, она теряет около 40 миллиардов рублей потенциальной выручки из-за некомпетентности. Мол, какие-то дураки не могут бизнес-планы ни сделать, ни выполнить. Я уточняю: а что у вас с воровством? И она тут же говорит, что на преступные посягательства приходится 18–20 процентов суммы потерь, а латентность преступлений они оценивают в 80 процентов. То есть их потери на 90 процентов, а то и полностью, вызваны преступными мотивами, — но для спокойствия они все старательно списывают на некомпетентность.

Так что вряд ли стоит преувеличивать значение идиотизма: это обычно всего лишь прикрытие для преступников.

Сейчас у нас действует множество консалтинговых фирм, которые привносят западные стереотипы в формирование бизнес-планов и организацию всей деятельности, да и в систему образования. Причем все это выдается за некую панацею, которая автоматически обеспечивает высокую эффективность. На самом же деле это тотальный обман. Де-факто, если вы возьмете функционирование «Газпрома», вы увидите, что об эффективности Министерства газовой промышленности СССР невозможно даже и мечтать.

Александр Нагорный. Стереотипы безусловного, абсолютного превосходства Запада над нами основаны на низкопоклонстве перед ним, вбитом и в сознание образованцев, и во всю систему образования, и во всю систему основных медиаканалов — от пропаганды в телевидении до пропаганды в театре. Везде мы видим одну и ту же схему: Россия — страна идиотов, здесь ничего хорошего нет и быть не может, здесь ничего нельзя добиться, поэтому «надо валить».

Эти стереотипные «вбросы» как раз и направлены на то, чтобы расширять диапазон влияния либеральной идеологии, которая носит унифицированный идейно-политический смысл для будущего всемирного правительства и будущего единого общества, которое, как мы уже видим, будет основываться на жесточайшем тоталитарном давлении на человека.

Михаил Делягин. Прежде всего надо уточнить: вот это общество, о котором здесь говорится, — атомизированное, единое, всемирное, — его, по моим ощущениям, не будет. Потому что атомизированные люди будущего готовятся не под эксплуатацию, а под утилизацию, под полную и безболезненную ликвидацию.

Мой любимый пример — город Мосул, с окрестностями это 2 миллиона человек. После взятия его ИГИЛом количество беженцев буквально в первую же неделю составило полмиллиона, четверть населения, и потом бегство оттуда продолжилось. А знаете, сколько ИГИЛовцев его взяли? Меньше 2 тысяч человек. Менее полупроцента тех, кто от них бежал.

Эти люди, не приемлющие ИГИЛ, — они не хотели сопротивляться?

Нет, они просто не могли сопротивляться.

Если быть более точным, не могли захотеть сопротивляться.

Аналогичные примеры мы видели во время лос-анджелесских погромов, когда кварталы корейцев и японцев отбились от банд замечательных политкорректных и толерантных негров-мародеров, а остальные кварталы были разгромлены полностью с ужасающими последствиями для живших там людей.

Сергей Карпенко. При этом фешенебельные кварталы не трогали — их туда даже не подпустили...

Михаил Делягин. Кроме того, важно понимать, что низкопоклонство перед Западом — это не столько результат, сколько инструмент. Потому что люди, которые сегодня получают у нас стандартизированное западное образование, действительно становятся несовместимы с российской реальностью. После получения образования по сегодняшним западным стандартам, даже в России, вы с высокой степенью вероятности просто не сможете здесь жить: вы будете твердо знать, что здесь все не так, что здесь дикие люди и более того — даже по-английски, то есть на языке вашего обучения, не разговаривают!

Это очень серьезное системное воздействие: самые обычные нормальные люди в массовом порядке и вполне осознано перековываются в людей, которые здесь жить не могут — жить они могут только там: пусть плохонько, поганенько существовать, но только там, а не здесь. Потому что здесь они находиться просто не могут.

И последнее: мы все время употребляем слово «мы». Это существенно, поскольку мы существуем как некая культурная и сетевая общность. Однако для общественной жизни существуют только организации как структуры. И нынешнее российское государство — это не мы, а мы — это не государство.

Не будем забывать, что нынешнее государство, почти полностью контролируемое либералами и потому, насколько можно понять, служащее интересам глобального бизнеса против интересов народа России, в целом враждебно нам.

Да, на улицы Москвы 9 мая вышло полмиллиона человек. Только надо понимать, что для перерабатывающих Россию организационных структур, в том числе российских либеральных структур, во многом контролирующих сегодняшнее российское государство, это означает наличие проблемы, которую надо решать, — и не более того.

И эту проблему будут решать, продолжая разрушать и размывать нашу идентичность.

А задача, как сорвать такую деятельность, даже не ставится. Хотя это уже неправильная формулировка, так как стратегическая оборона — это единственный гарантированный способ потерпеть поражение. Но даже и о ней сейчас нет и речи.

Массовая манифестация, как с поясом Богородицы, — это недостаточно: само по себе это — стратегическая оборона. Так в 1999 году сербы в Белграде массово стояли на мостах, по которым НАТО било своими ракетами. Это был массовый героизм, — и он им помог? Нет, это было

чудовищное растраниживание воли и энергии народа, которое закончилось фрустрацией.

Потому что побеждает только проект будущего. Неважно: правдив он или нет, осуществим или нет — он должен быть привлекательным и открытым, то есть его членом должен быть в состоянии стать любой желающий.

Украинская катастрофа, воссоединение с Крымом, героическая оборона Новороссии пробудили потенциал нашего общества, он оказался колоссальным, и этот сдвиг надо использовать. Вся проблема в том, кто будет его использовать. Субъект стратегического действия, о котором Андрей Ильич Фурсов заговорил года четыре назад, если я не ошибаюсь, мы так и не создали.

И в связи с этим у меня предложение.

В свое время великие умы Европы затеяли «Энциклопедию» как совокупность всех накопленных к тому времени знаний. Им казалось, что это будет сохранение, а получилось наоборот: самодействующее оружие революционного разрушения окружающего заскорузлого мира. И мы видим, что сегодня некоторые проекты подобного рода оказываются весьма действенными.

Так что имеет смысл подумать, как сделать современную сегодняшнюю «энциклопедию» как проект, который станет самодействующим оружием, привлекающим к себе людей, переформатирующим их и заставляющим действовать соответствующим образом. Только, пожалуйста, не в виде чудесных томов с тиснеными корешками — это работало четверть тысячелетия назад, но с того времени образ жизни слегка изменился.

Если мир воспринимает Твиттер, если мир воспринимает комиксы — замечательно, нужно разговаривать с миром на том языке, который он понимает. Может быть, нам нужно продумать твиттер-педию или комикс-педию, которые зафиксируют правду в форме, понятной даже жертвам ЕГЭ?

Андрей Фурсов. Прежде всего, уточню некоторые моменты. Далеко не всякий либерал — национал-предатель. Русские либералы XIX века Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин предателями России не были. Западник — это не всегда либерал. Примеры — В. Г. Белинский, интернационал-социалисты ленинско-троцкистского типа. Правильнее в данном контексте говорить об автофобии — будь то русофобия или советофобия; впрочем, за последней, как правило, скрывается первая. Едва ли можно увидеть корни национал-предательства и автофобии в русском западничестве середины XIX века: от П. Я. Чаадаева до смердяковщины весьма длинная дистанция. Кроме того, те, кого сегодня в России именуют либералами, никакого отношения к либерализму не имеют. В своем классическом виде последний умер во втором десятилетии XX века. Так называемый неолиберализм так же похож на либерализм, как Граучо Маркс на Карла Маркса. Поэтому правильнее либо брать нынешних российских либералов в кавычки, либо называть их «либерастами», поскольку

их «либерализм» — это вывеска, скрывающая или оправдывающая социал-дарвинистское разграбление и разрушение страны и сокращение ее населения в интересах западного капитала.

У автофобии, которая в конце XX — начале XXI века приняла форму либерастического национал-предательства, несколько источников. На поверхности лежит смердяковское желание того, чтобы «умная нация» (французы, немцы и т. д.) покорила глупую (русских) в силу своего якобы культурно-исторического превосходства. На первый взгляд кажется, что речь идет о цивилизационном превосходстве; на самом деле имеется в виду бытовой комфорт («сто сортов сыра и колбасы»), то есть жизнь в соответствии с системой потребностей верхней части Запада капиталистической эпохи. При этом забывается, что в основе этого высокого уровня комфорта, часть которого в XX веке под давлением СССР стала перепадать западному среднему классу и даже верхушке пролетариата (за что это западное быдло так никогда и не почувствовало благодарности к СССР), лежали благоприятный климат (Гольфстрим), жестокая эксплуатация своих «низов» и ограбление колоний и полукolonий. Поскольку в России и у России ничего этого не было, то оформившееся во второй половине XVIII века стремление части российских «верхов» жить по западной системе потребностей требовало отчуждения у «низов» не только прибавочного, но и необходимого продукта. Психологическим оправданием этого становилось презрительное отношение к народу как к «азиатам», «дикарям» и т. п. В то же время, поскольку, во-первых, в России господствующие группы, в отличие от Запада, были функциональными органами власти и зависели от нее; во-вторых, эта центральная власть контролировала их и с конца XVIII века (с Павла I) ограничивала эксплуатацию «низов» «верхами» (в своих, разумеется, интересах), а со времен Александра II ограничивала (как могла) капитал — местный и проникновение чужого, то объектом автофобии части «верхов» становился не только народ, но и государство, центрально-верховная власть. В таком отношении данная часть «верхов» совпадала с определенными сегментами российского капитала и, конечно же, западного — с обслуживавшими его государствами Запада и хозяевами как этих государств, так и капитала — закрытыми наднациональными структурами мирового согласования и управления.

Таков вкратце и несколько спрямленно генезис автофобии в России. Он лишь по форме носит культурно-цивилизационный характер. По сути же это — классовое явление, связанное с интеграцией части «верхов» Большой системы «Россия» в Большую систему «Капитализм»: классовые интересы требуют национально-культурной перекодировки, предатель (как в широком, так и в узком смысле) должен оправдывать предательство и себя ненавистью к объекту предательства. В случае этнонациональной инаковости ненависть может усиливаться многократно. И все же главное — классовое. Достоевского и русские народные сказки чубайсы ненавидят не столько по национально-культурным причинам (хотя и по ним, по-видимому, тоже), сколько по классовым.

Автофобия — это идейно-поведенческий комплекс тех групп, которые стремятся к таким формам эксплуатации населения, которые сформированы Западом—Капиталом, но за пределами для русской системы работ. Все, что стоит на пути такой эксплуатации — государство, традиционные русские ценности, определенная численность населения, вызывает у западоидных групп ненависть и, по их мнению, должно быть уничтожено как «отсталое», «второсортное», «мешающее прогрессу», «неоптимальное» и т. п.

Русская революция начала XX века, а затем системный антикапитализм в виде СССР, казалось, должны были покончить с этим, но в 1930—1950-е годы, то есть в сталинский период, удалось лишь приглушить, придавить, как оказалось — временно. Со второй половины 1950-х годов в соответствии с логикой развития системного же антикапитализма (его производственная база была такой же, как у капитализма, — индустриальной) и его системообразующего элемента — номенклатуры, с одной стороны, и постепенной интеграцией СССР в мировой рынок, с другой, началась эрозия системного антикапитализма как «системного» и как «анти-».

В номенклатуре к рубежу 1960—1970-х годов сформировался небольшой, но весьма влиятельный, ориентированный на Запад слой, которому само наличие СССР, Советской власти мешало превратиться в класс собственников. Одно дело тайком размещать на Западе активы, создавать паутину совзагранбанков в обмен на уступки Хозяевам Запада и отказ от прорывных технологий или даже сдачу их врагу со страхом наказания за это; и совсем другое — легализоваться в прямом и переносном смысле, демонтировав строй, который основан на отрицании частной собственности и эксплуатации. Отсюда — второе, уже антисоветское (в снятом виде оно содержит и русофобию) пришествие автофобии, тщательно камуфлируемое до поры до времени под пролетарский интернационализм, под нетерпимость к национализму (особенно русскому), ко всему «почвенному». Показательно, что будущий «прораб перестройки» А. Н. Яковлев приобрел известность именно статьей-доносом, направленной против писателей-почвенников.

Так же, как вокруг автофобов эпохи позднего самодержавия сформировался целый слой обслуги (интеллигенция), у автофобов позднего реального социализма, стремившихся превратиться в собственников, сформировалась своя обслуга — так называемые «либералы». Имя им — легион: аксеновы, любимовы, окуджавы и проч. В виде якобы демократической фронды, «социализма с человеческим лицом» («уберите Ленина с денег»), все они сознательно или полусознательно работали на слом системы — на будущих собственников и на свое превращение из квазиинтеллигенции в культур-буржуазию.

Социальной базой властно-интеллигентских автофобов в позднем СССР стал активно формировавшийся с 1970-х годов слой советских мещан, лавочников — продукт реформы Косыгина—Либермана, торговли нефтью, развития системы распределения дефицита, «теневой экономики». Подчеркну тесную связь советского мещанина-лавочника 1970—1980-х годов с антисоветчиками-либерастами во власти.

Пунктиром эта связь наметилась уже в конце XIX века. В «Заметках о мещанстве» Горький четко ее зафиксировал: «Мещанство — это строй души современного представителя командующих классов». В позднесоветское время — и во многом именно поэтому оно стало *поздним*, то есть закатным советским, — мещанство, лавочничество, социальное лабазничество стало строем души определенной части партноменклатуры и КГБ, членов их семей, особенно третьего советского поколения — (условно) внуков советской верхушки, циничных, шмоточноориентированных, ненавидящих народ и ту власть, которая пусть все меньше, но выражала интересы простонародья. Как прав оказался Н. Бердяев, заметивший: «Самая злоедающая фигура в России (советской. — А. Ф.) — это не фигура старого революционера, а фигура молодого человека, внука тех, кто делал революцию».

1991 год стал триумфом советских лавочников всех уровней и внуков тех, к кому «просто мздой, не наказаньем пришел год тридцать седьмой» (Н. Коржавин) — тех, чьи дедушки до чисток 1937–1938 годов руководили НКВД и ГУЛАГом, и кто после 1991 года очень хотел превратить Россию в либерально-фашистский ГУЛАГ. Тот год и последовавшая за ним ельцинщина стали триумфом темной стороны советского общества, тени, которая перестала знать свое место.

В сегодняшнем властно-экономическом раскладе постсоветские автофобы ведут дело к ликвидации России как геополитической, культурно-исторической и демографической целостности. Во-первых, в ситуации нынешнего противостояния путинского режима с Западом они рассчитывают, что с помощью Запада устранят последний, пусть слабый, но реально существующий в виде суверенитета политический и правовой барьер на пути полного и бесконтрольного расхищения-эксплуатации русских ресурсов и полного подавления русского народа как культурно-исторического типа. Во-вторых, сокрушение России позволит этой публике спрятать в воду концы своих преступлений, за которые в случае сохранения России и тем более восстановления ее мощи им придется так или иначе отвечать.

Эти факторы лепят из автофобов почти абсолютных национал-предателей, ненавидящих в лице путинского режима российскую государственность, а в лице народа («ватники» и т. п.) — все русское. Опять же по сталинской формуле — национальное по форме, классовое по содержанию.

Эта публика готова стать приказчиками «международного сообщества», то есть мировых ростовщиков и транснациональных корпораций, не чувствуя, что новые хозяева вышвырнут их за борт, как только осуществят пиратский захват флагмана «Россия». Впрочем, и в случае, если захвата не произойдет, их все равно вышвырнут, — это сделает команда флагмана.

В завершение отмечу: национал-предательство постсоветской эпохи есть доведенная до логического завершения классовая и национально-культурная ненависть определенного сегмента российского общества (причем не просто чужого, а чужеродного — как по функции, так и по сути) к самому этому обществу; это ненависть раковой клетки к организму, который она использует. Вопрос лишь в средстве лечения — терапевтически или хирургически. ◆